

Наш переезд в Сестрорецк совпал с событием, потрясшим всю страну, - смертью Сталина. Ощущение было такое, что все вокруг перепугались; простые люди с ужасом шептались: "Что же теперь дальше-то будет?" Горе и слёзы бабушки были неподдельны, в школе плакали учителя. Собственных же, своих переживаний у меня по этому поводу не было - всё затмили впечатления от новой школы, новой учительницы (очень доброй старушки, Ольги Ивановны) и, главное, новых товарищей, одноклассников, я учился тогда в третьем классе. К тому же я недавно только начал носить очки - вдруг обнаружилась близорукость.

Мы с мамой как-то, в Таллине ещё, сидели на кровати, я спать укладывался, и мама вдруг вздумала проверить моё зрение. Противоположную стену украшало печатное изображение Сталина на фоне счастливого многонационального советского народа с подписью крупными красными буквами "Вперёд, к победе коммунизма!". Обнаружилось, что я не могу с кровати разобрать отдельные буквы в этой подписи. В школе же я от этого не страдал, так как всегда сидел на первой парте. В очках всё стало так хорошо, так резко видно, но я ужасно в них стеснялся и переживал, что стал "очкариком".

А тут как раз и влюблённости начались.

За два последующих года жизни в Сестрорецке у меня были две симпатии: Наташа Денисова, чувство к которой возрождалось с каждым моим приездом в Сестрорецк вплоть до десятого класса, и некая безымянная девочка из параллельного класса, смуглая и молчаливая.

Влюблённости мои состояли в неодолимом стремлении увидеть и посмотреть на предмет обожания. Ни о каких попытках познакомиться или заговорить не было, пожалуй, даже и мысли. Просто любоваться, а потом вспоминать и переживать это чисто зрительное впечатление было вполне достаточным счастьем, ради мгновений которого я часами слонялся по Госпитальной улице мимо забора с табличкой "Посторонним вход воспрещен", за которым был дом, где жила Наташа Денисова.

Наташа некоторое время училась со мной в одном классе, а потом перешла в параллельный, и с ней можно было здороваться. Вот за ради этого "Здравствуйте!" я и околачивался поблизости от её дома. Летом 1959 года я в первый и последний раз танцевал с Наташей на дне рождения у Ляльки Лозовской, это были проводы моей первой любви.

Моё детство неразрывно связано с маминой родиной - Сестрорецком, где мы постоянно жили всего два года, но где я бывал каждое лето. Когда папа учился в Академии, мы снимали в Сестрорецке (там жильё дешевле, чем в Ленинграде, и ездить папе только до Новой Деревни, и бабушка рядом, да и без того бы мама не променяла свой любимый Сестрорецк на Ленинград) две крохотные смежные комнатухи в трёхкомнатном деревянном доме на Задней улице. В большой комнате жила хозяйка - строгая пожилая женщина невысокого роста, тётя Вера, со своим внуком Сашкой, года на два младше меня.

До дома бабушки на Красногвардейской было недалеко, и я часто к ней бегал угощаться чаем с варёным сахаром. Иногда бабушка брала меня с собой на работу в госпиталь, где я мог читать книги из госпитальной библиотеки. Любил я ночевать у бабушки, мы спали вместе, я забирался в холодную постель первым и грел бабушке место. Но пожить с ней рядом нам довелось совсем немного, месяца три только. Однажды ночью меня разбудили мамины рыдания - бабушка умерла. Перед этим она совершенно не болела, на работе у неё случилось кровоизлияние в мозг, отнялась половина тела, и через несколько часов она скончалась.

Дом 14 по улице Красногвардейской, Сестрорецк, 1957 г.

После её смерти в дом на Красногвардейской переселились с Промстроя дядя Вова с тётёй Тамарой, у них я потом всегда и останавливался, приезжая на каникулы. Как приятно было засыпать на перине на полу под характерный шёпот радио, не выключавшегося на ночь, и монотонное бормотание электросчётчика. Я снова в Сестрорецке!

Одно озеро Разлив чего стоило: купания, рыбалка, ловля раков, катания на лодках, а

зимой по льду на финских санках и самодельных буерах. А дюны! Зимой на школьных уроках физкультуры мы ходили в дюны на лыжах. Сумасшедшие спуски, трамплины, заснеженный лес, солнце! А любимый дядюшка с его юмором и непрерывным подначиванием тёти Тамары, которая, впрочем, тоже в долгу не оставалась, коллекционирование марок, в которое меня втянул дядя Вова, чтение книг из его разрастающейся библиотеки, рисование. А пилить и колоть дрова, топить печку и сидеть с рыжим котом Барсиком у открытой дверцы, зачарованно глядя вместе с ним на раскалённые головешки поленьев, - вот райская жизнь!

Сестрорецкий Курорт

Сейчас вместо Сестрорецка моего детства - многоэтажный город-спутник Ленинграда, нет ни Задней, ни Красногвардейской улиц, почти не осталось деревянных домов с печками и дворов с поленицами, сараями и будками сортиров, куда бегать приходится в любую погоду, либо ведро с парашей дома держать, если ж... не желаешь отморозить.

Папа с Милочкой, мама, Люба и я, Сестрорецк, 1953 г.

(продолжение следует)